

ВЛИЯНИЕ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н.И. Нураков – аспирант

Затрагиваются вопросы влияния на региональную безопасность Центральной Азии событий после декларации независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии. Автор делает попытку проиллюстрировать вероятные сценарии развития ситуации в регионе под влиянием этих событий в контексте сложных взаимоотношений между странами региона – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

В связи с объявлением независимости Косово, а затем и Южной Осетии с Абхазией, по всему миру наметились кардинальные изменения существующего миропорядка. Это событие поставило под угрозу безопасность стран, которые имеют внутригосударственные проблемы подобного характера. Получение независимости Косово и республиками Закавказья ставит под удар исторически сложившуюся систему международных отношений, основанную на балансе сил, как прецедент легитимизации непризнанных государственных образований.

После появления новых независимых государств в 80-е гг. XX в. эйфория идеи о праве народов на самоопределение постепенно спадает.

Однако, в начале XXI в. она постепенно обрела новый смысл, став в руках политиков эффективным механизмом манипуляции общественным мнением мирового сообщества.

История знает примеры не только самозванного конституирования новых государств, но и последующего их сравнительно быстрого перехода в разряд “нормальных” субъектов международного права (Эритрея, Восточный Тимор). Известны другие примеры. Самое старое, мощное, жизнеспособное, но упорно не признаваемое из “практических государств” – Китайская Республика на Тайване. Де-факто она стала независимой еще в 1949 г. после того, как на материке победили китайские коммунисты, а на острове

укрылись их противники – сторонники партии Гоминьдан.

Другой, хотя и гораздо “менее залуженный ветеран” из этого ряда, – Турецкая Республика Северного Кипра. Ее считают “отголоском” крушения Британской империи¹, а если посмотреть глубже, то и кризиса Османской империи. Противоречия между турецкой и греческой общинами острова несколько раз едва не перерастали в кровопролитные войны, в конце концов, приведя в 1974 г. к его фактическому разделу при поддержке Греции и Турции.

“Британское” происхождение имеет и Сомалиленд, дистанцировавшийся в 1991 г. от назревавшей гражданской войны в бывшем Итальянском Сомали и провозгласивший свой суверенитет. Его сосед, Пунтленд, рассматривает свою нынешнюю независимость как временное состояние и рассчитывает на место субъекта гипотетической “Сомалийской Федерации”.

Гуманная идея Запада о признании независимости Косово, как торжество исторической справедливости, уже сыграло злую шутку с Европой. Пойдя на поводу у США, Европа, можно сказать, открыла “ящик Пандоры”. Уже слышны отголоски Косово в Западной Европе, на Кавказе, в Африке и в Азии. В ответ на признание Косово Россия сделала первый ответный шаг – сначала сняла экономические ограничения с Абхазии, где большинство населения имеют российское гражданство. В данном регионе сложилась парадоксальная ситуация. Официально и Абхазия, и Южная Осетия входили в состав Грузии. Однако, во внутренней политике они де-факто имели полную самостоятельность как в экономической, так и политической сферах.

В данных автономиях начали консолидироваться силы, тайно поддерживаемые Россией, выступающие за официальный выход из состава Грузии. После событий 8 августа 2008 г. история окончательно поставила точки над “i”. Признание Россией независимости кавказских республик стало отправным пунктом окончательного формирования многополярного мира, в котором Россия и ее союзники стали новым центром силы в противовес стремлению США и стран Европы на гегемонию в мире. Кроме того, вновь обострилась обстановка в Приднестровье (Молдова), активизировались баски в Испании и ирландцы в Ольстере, фламандцы Бельгии, венгры Трансильвании и силезцы Польши. Объявление

независимости Косово неслучайно совпало и с выступлением тибетцев против властей в Китае, которое было жестоко подавлено.

“Синдром Косово” в Центральной Азии.

После вышеуказанных событий в мировом общественном мнении и в аналитических кругах разгорелись острые дебаты и полемика по вопросу соотношения принципа борьбы государства за территориальную целостность и национальную безопасность (имеется в виду борьба с сепаратизмом) и фундаментального права народов на самоопределения. Конкретного решения этого вопроса не существует, что дает свободу трактовки этих понятий с разных точек зрения и может создать реальную угрозу миру и безопасности целых регионов. “Ведь исторически несправедливо, когда какой-то остров в Тихом океане с населением 10 тыс. человек имеет свое государство, а многочисленные уйгуры или курды – ничего, кроме формальной автономии”, – могут сказать люди. Эту тенденцию развития событий в мире после обретения независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии можно обобщить и назвать “Синдромом Косово”.

Центральноазиатский регион эта проблема также не может обойти стороной. В нашем регионе и на его границах потенциальными очагами сепаратизма, напрямую угрожающими национальной и региональной безопасности, выступают Горный Бадахшан в Таджикистане, СУАР (Восточный Туркестан) и Тибет в Китае, южные территории Казахстана, южная часть Кыргызстана, Западный Узбекистан и, конечно же, Афганистан. Остановимся на наиболее важных из них. А также попытаемся выявить возможные сценарии развития ситуации в регионе под влиянием “синдрома Косово”.

Борьба с сепаратизмом в Синьцзянь-Уйгурском Автономном Районе (СУАР) Китая и рост религиозного экстремизма в Центральной Азии. Особенно опасными для нас являются выступления уйгурских сепаратистов в соседнем Китае и связанных с ними активистов из подпольной партии Хизб-ут-Тахрир и Исламского движения Туркестана, выступающих за создание на территории нескольких государств Центральной Азии исламского халифата. Как известно, после создания халифата предполагается и создание независимого уйгурского государства на территории Китая.

К примеру, СУАР может стать основной точкой приложения сил американских спецслужб по дестабилизации внутривосточной обстановки.

¹ Чечевичников А. Казус Косово и перспективы Закавказья // www.intertrends.ru.

новки в Китае. Официальный Пекин подозревает ЦРУ США в оказании финансовой и организационной помощи мусульманским и тибетским сепаратистским движениям в КНР. Именно в странах Центральной Азии уйгурские националисты находят поддержку своих соотечественников. В Казахстане и Кыргызстане представители уйгурской диаспоры обладают значительным влиянием в бизнесе, а с недавнего времени – и в политике. Численность уйгурской общины в Казахстане составляет около 150 тыс. человек, в Кыргызстане – более 50 тыс. В этом направлении Пекин пытается вмешаться во внутреннюю политику стран-соседей. Однако, добиться хороших результатов Пекину еще не удавалось.

Смогут ли уйгурские сепаратистские организации достичь своей цели по образованию своего независимого государства под влиянием “Синдрома Косово”? Если это возможно, то за чей счет будет обретаена свобода уйгуров от Китая?

Сегодня в мире только США может реально и материально противостоять державным амбициям КНР, включая и вопрос образования независимого Восточного Туркестана. Вполне естественно, что “уйгурская карта” может стать козырной картой Вашингтона для получения от Среднего государства определенных уступок в регионе. Незря штаб-квартира Уйгурской американской ассоциации, выступающей за свободу самоопределения Синьцзяня, расположена в Вашингтоне. Глава этой организации два раза получила право выступить в Конгрессе США с докладами о состоянии прав уйгуров в Китае. Но здесь возникают иные нюансы. Администрации США все сложнее поддерживать баланс между вопросами борьбы с международным терроризмом и соблюдением прав человека в СУАР¹.

Учитывая реалии сегодняшнего дня, можно сделать прогноз, что в обозримом будущем ситуация в Восточном Туркестане под влиянием “Синдрома Косова” кардинально не изменится. Пекин никогда и никому не позволит аннексировать свою территорию и все выступления уйгуров будут беспощадно подавлены.

Здесь следует учесть еще несколько факторов. Во-первых, значение СУАР для экономического развития страны становится все более важным, так как там имеются жизненно-важные для Китая энергозапасы и природные ископаемые, географическая близость к государствам Цен-

тральной Азии позволяет провести через СУАР во внутренние районы Китая нефте- и газопроводы. Также Пекином разрабатывается амбициозный проект по строительству транспортного коридора в Россию и Европу через Центральную Азию. Во-вторых, продолжающийся мировой экономический кризис не позволит США вмешаться в новый авантюрный проект по “освождению уйгуров”.

В январе 2007 г. директор службы национальной безопасности США Джон Негропonte выступил с ежегодным докладом. По мнению главного американского разведчика, репрессии, политический застой и коррупция в странах Центральной Азии создают благоприятную почву для развития “радикальных исламских настроений и движений”. Опасность исламских радикалов в этом регионе столь высока, что Негропonte призвал США задуматься о целесообразности партнерства с Центральноазиатскими странами в энергетической сфере и в борьбе с терроризмом².

Партия “Хизб ут-Тахрир”, несомненно, наиболее популярная в Центральной Азии из радикальных исламских организаций. Главная цель партии – объединение мусульман всего мира в единый халифат. Сторонники халифата считают западную демократию неприемлемой для мусульман и называют США, Великобританию и Израиль “порождением дьявола”. Члены партии, подобно русским радикальным националистам, склонны винить во всех бедах евреев и считают своих врагов замаскированными представителями этой нации. Так, например, в листовках партии, нелегально распространяемых в Узбекистане, узбекский президент Ислам Каримов неизменно называется “еврейским факиром, поставившим своей целью уничтожить правоверных мусульман”. Хотя взгляды “тахрировцев” и выглядят шокирующими с точки зрения европейца, было бы ошибкой считать эту партию террористической организацией. Центральноазиатские власти так и не доказали причастность “Хизб ут-Тахрир” к терактам. Члены партии клянутся, что осуждают насильственные методы борьбы, а халифат может быть создан лишь тогда, когда к этому будет готово большинство мусульман.

² Ротарь И. Возможен ли реванш исламистов или радикальные исламские организации в Центральной Азии растут как грибы // Информ. агентство “Фергана.Ру”. – 2008. – 30 июня // www.fergana.ru.

¹ Известно, что сепаратистские уйгурские организации поддерживаются “Аль-Каидой”.

Самое интересное, что активная борьба спецслужб против активистов партии “Хизб ут-Тахрир” приносит обратные результаты, так как открытые судебные процессы против них становятся настоящим шоу, где они успешно опровергают улики государственных обвинителей, пропагандируют свои взгляды на законы шариата, позиционируя себя как людей, пострадавших за веру.

В противовес официальным властям исламисты предлагают построить исламское государство всеобщего благоденствия, где не будет коррупции, несправедливости, голодных и разутых. Отклики они находят в душах наиболее обездоленных слоев населения, которые являются плодотворной почвой для семян влияния исламистов. Большинство исламских партий не говорят о смене президента, наоборот, они призывают к покорности и подчинению властям, как это велит Пророк Мохаммед. Однако, они не согласны с политическим устройством государств Центральной Азии, имеющих светское начало.

Ничего дельного исламистам не могут противопоставить ни ученые-теологи, ни официальные имамы властей. Это, в первую, очередь связано с их низким уровнем образования и некомпетентностью по многим вопросам теологии и богословия.

Неэффективность противодействия религиозному экстремизму обусловлена и структурой их организации. Спецслужбы и сами члены исламских партий располагают ограниченной информацией о ее лидерах, реальном количестве членов организации. Партия существует условно из многочисленных (и соответственно – малочисленных) и независимых ячеек, которые действуют во многом автономно. Главные идеи и планы известны лишь немногим, в контактах используются многоуровневые системы связи. Единичная акция делится на исполнительские этапы, а исполнителям известна только их задача. Кроме того, у них существует свой язык и секретная система знаков. По этим знакам они и узнают друг друга. Исполнителей учат понимать только определенное количество знаков и т.д.

Однако, практически невероятно, что в ближайшее время властям удастся справиться с исламскими радикалами¹. Росту их влияния способствует целый ряд факторов: правовой вакуум в послереволюционном Кыргызстане, крайняя нищета людей и коррумпированность властей в

Таджикистане и Узбекистане. Однако опасность исламских радикалов все же не стоит преувеличивать. Долгие годы советской власти не прошли даром для местного населения. Люди Центральной Азии более секуляризованы, чем в соседних Афганистане, Пакистане и СУАР. В этой ситуации создание исламского государства здесь малореалистично, так как противниками этого строя является подавляющая часть местных жителей. Однако у хорошо организованных и энергичных исламских радикалов вполне хватит сил для дестабилизации обстановки и свержения слабых режимов.

Этнополитические конфликты и пограничные проблемы. Этнополитические и связанные с ними проблемы в регионе в 90-е гг. XX в. имели вторичный характер по сравнению с экономическими и геополитическими вопросами. Более того, проявившиеся лидеры пяти государств региона необходимую гибкость и политическую волю, эти проблемы могли бы стать достоянием истории. Негативную роль сыграли амбиции президентов Центральной Азии и их непростые взаимоотношения. Руководители этих стран не использовали унаследованную от СССР систему взаимодополняющих народно-хозяйственных связей. Ее элементы, наоборот, использовались и до сих пор используются как рычаги давления друг на друга. Этот период взаимоотношений можно охарактеризовать как конкурентно-деструктивный. Конечную точку в этом вопросе поставило решение глав государств СНГ от 19 января 1996 г., которое перечеркнуло итоги многолетней работы по согласованию пограничных вопросов между странами Центральной Азии, переведя их в двухстороннюю плоскость. Поэтому в современных условиях “Синдром Косово” может выявить старые “язвы” нерешенных проблем с переносом их на новую политическую плоскость.

Начнем с отношений между двумя крупнейшими государствами Центральной Азии – Узбекистаном и Казахстаном, которые, в целом, до сих пор остаются сложными. Временное потепление отношений между Ташкентом и Астаной было связано с выработкой единой позиции в противодействии внешним угрозам. Конкуренция за влияние в регионе окончательно поставил в тупик отношения этих государств. Как рычаги давления используются отключение газа Узбекистаном, блокировка транзитных перевозок по территории Казахстана, ужесточение режима пребывания граждан государств-соседей и перманентное состояние “таможенной войны”.

¹ *Бороган И.* ФСБ и движения в Центральной Азии // www.Agentura.ru, 18 апреля 2007 г.

Проблемной зоной во взаимоотношениях двух государств могут стать Каракалпакстан и Южно-Казахстанская область. Этнически родственные и традиционно дружественные друг другу каракалпаки и казахи составляют в Каракалпакии абсолютное большинство населения (около 60%). Кроме того, среди каракалпаков существует устойчивое неприятие политики Ташкента и столь же устойчивые пророссийские и проказахские настроения. Они имеют исторические корни. С 1925 по 1930 г. Каракалпакия входила в состав Казахской ССР, а с 1930 по 1936 г. – в состав РСФСР. Только в 1937 г. после репрессий против руководства Каракалпакии ее включили в состав Узбекской ССР. Это решение многие каракалпаки до сих пор считают несправедливым. Улучшение уровня жизни и экономический рост в соседнем Казахстане и одновременное ухудшение жизни в Узбекистане не способствуют росту авторитета официального Ташкента. Естественным союзником каракалпаков может стать местная узбекская община, чей язык сильно отличается от официального узбекского (ташкентского) языка. Шестилетнее пребывание Каракалпакии в составе Казахской ССР не обошлось без возникновения территориальной проблемы. Речь идет о 55 тыс. км² племенных земель казахских адайцев Малого жуза, прирезанных к Каракалпакии в 1925 г. Передача этих земель была обусловлена исключительно фактом вхождения Каракалпакии в Казахстан и соответственно не предусматривало потерю этой территории. Решение Верховного совета СССР от 1937 г. казахи посчитали несправедливым и юридически не обоснованным. Особым камнем преткновения может стать раздел Аральского моря. Но следует отметить, что за последние десятилетия официальная Астана не поднимала эту проблему, хотя это еще не повод думать, что в удобный момент Астана не потребует назад старые территории или не поддержит каракалпаков в случае их восстания.

У каракалпаков вызывает опасение активное подавление Ташкентом их автономии, которая с годами обретает чисто формальный характер. Однако, после подавления восстания в Андижане в мае 2005 г., каракалпаки муссировать вопрос о расширении автономии не стали из-за боязни репрессий¹.

¹ Трофимов Д.А. Этнотерриториальные и пограничные проблемы в Центральной Азии // Северо-Восточная и Центральная Азия / Под ред. А. Воскресенского. – М., 2004. – С. 428.

Южно-Казахстанская область. Большая узбекская община (300–350 тыс. человек) контролирует здесь значительную часть торговли, одновременно составляя костяк местного мусульманского духовенства. Теоретически через эту общину Ташкент может влиять на ситуацию в области, однако практически потенциал узбекской общины здесь использовался весьма незначительно. Более того, если в начале 90-х гг. спецслужбами Узбекистана и разрабатывались детальные планы оказания давления на Астану через узбеков Южного Казахстана, то сейчас Ташкент занял отстраненную позицию в этом вопросе.

В вопросе определения (демаркации и делимитации) государственной границы Узбекистан часто прибегал к силовому методу решения этой проблемы. Так, с весны 1999 г. Ташкент принимает односторонние шаги по фактической демаркации границы². Напомним, что речь идет о спорных участках Бостандыкского района, в 1956 г. переданных Казахстаном Узбекской ССР (по примеру передачи Крыма Украине).

На волне формирования нового многополюсного мира посредством Москвы (поддержавшей действия режима Каримова по подавлению мятежа в Андижане³) Узбекистан критически переосмысливает свой негативный опыт взаимодействия с северным соседом и пытается наладить отношения с ним. В условиях снижения зависимости Южного Казахстана от поставок узбекской электроэнергии и газа и увеличения собственной зависимости от транзитных перевозок и казахского зерна Ташкент вынужден искать пути взаимодействия с Астаной.

Проблемы сотрудничества Кыргызстана с Узбекистаном. Куда более серьезной нерешенной проблемой, на которую может повлиять “Синдром Косово”, для региона являются узбекско-кыргызские отношения, прежде всего, в Ферганской долине. Эти отношения часто приводили к эскалации напряженности между Бишкеком и Ташкентом. Узбекистан открыто использовал такие рычаги давления, как “газовый клапан”, блокировки границы, установку минных полей на границе и захват спорных участков.

² В мае-июне 1999 г. в поселок Назарбек был передислоцирован батальон ВДВ Узбекистана. В двух поселках Хумсан и Табаксай также разместились узбекские военные.

³ Напомним, официальная Астана не одобрила, но также и не поддержала политику Каримова во время Андижанских событий.

Уже несколько десятилетий насчитывает кыргызско-узбекский этнотерриториальный конфликт, обусловленный традиционным дефицитом земли и воды в Ферганской долине.

Ярким примером, дающим основания для опасений возникновения конфликтов по Косовскому сценарию, являются “ошские события” 1990 г., которые нанесли тяжелый удар по относительной межэтнической стабильности в Южном Кыргызстане и обусловили жесткие настроения в правящей элите Узбекистана.

Недружелюбное отношение кыргызских властей и населения Кыргызстана к Узбекистану формировал сам Ташкент. В марте 1999 г. Ташкент в одностороннем порядке идет на введение паспортного контроля на границе и ужесточение таможенного режима. “Баткенские события” 1999 и 2000 г. спровоцировали очень серьезное обострение узбекско-кыргызских отношений из-за неспособности кыргызской армии справиться с бандформированиями, вторгшимися в Баткенскую область Кыргызстана, на территории которого находятся узбекские анклавы. В ответ Ташкент вокруг анклавов устанавливает минные поля без опознавательных знаков на территории Кыргызстана в 150–200 м от условной границы. Сам факт установления мин без согласия Бишкека был расценен как акт военного вмешательства, и в Ошской области Кыргызстана были развернуты дополнительные контингенты вооруженных сил.

В феврале 2001 г. руководство Узбекистана навязывает Бишкеку подписание на уровне глав правительств закрытого Меморандума об урегулировании правовых основ делимитации государственной границы между Кыргызстаном и Узбекистаном, предполагавшего неравноценный обмен участками. Запланированная секретная сделка не состоялась из-за утечки информации в кыргызскую прессу, вызвавшей волну возмущений в Жогорку Кенеше и кыргызском обществе. Правительству К. Бакиева пришлось аннулировать все предварительные договоренности и переговоры о границе были заблокированы.

Узбекско-кыргызские отношения испортились и во время “Андижанских событий” весной 2005 г., когда Ташкент обвинил новое руководство Кыргызстана в пособничестве зачинщикам мятежа в Андижане. Кыргызстан принял беженцев из Узбекистана, покинувших Андижан из-за боязни преследования, и отказался их выдать. Понадобилось два года, чтобы нормализовать отношения двух государств.

Рост узбекского населения Кыргызстана и их влияния на политические и экономические

процессы после событий 24 марта 2005 г. Бишкек склонен рассматривать как прямую связь с вероятной демографической и территориальной экспансией этнических узбеков на юге Кыргызстана¹.

Поднятый несколькими депутатами-узбеками Жогорку Кенеша вопрос о придании узбекскому языку статуса официального в 2006 г. вызвал протест и возмущение в кыргызском обществе. Рост влияния узбекских общин в 2008 г. вызвал еще одну реакцию кыргызской общественности. Стоит упомянуть обращение общественного объединения “Ак Арча” к депутатам Жогорку Кенеша КР в мае 2008 г., в котором сделано предложение: помимо Дня памяти жертв 1916 г. отмечать еще одну трагическую дату нашей истории – 4 июня 1990 г. Авторы письма полагают, что “Кыргызстан должен потребовать от Узбекистана признать Ошские события как геноцид кыргызов”².

В связи с этим можно спрогнозировать дальнейшие действия официального Ташкента по отношению к Кыргызстану. В вопросе делимитации и демаркации госграницы Узбекистан будет использовать опыт Казахстана, навязавший весьма невыгодный для Кыргызстана договор о границе, и требовать передать Ташкенту стратегически выгодные ему земли спорных участков. В Ташкенте режим К. Бакиева считается слабым и коррумпированным, на который можно надавить и он пойдет на уступки. Свою роль в этом играет внутренняя борьба в окружении президента Кыргызстана. Через эти группы влияния Ташкент будет лоббировать свои интересы.

Еще одним внешнеполитическим фактором, которым обязательно воспользуется Узбекистан, является вопрос по американской базе “Ганси” в аэропорту “Манас”. Именно через Ташкент Москва попытается надавить на правительство Кыргызстана. Этот процесс уже пошел. Под российским влиянием Узбекистан в 2009 г. вдвое повышает цену на газ. Учитывая фактор развивающегося энергетического кризиса, этот рычаг давления – самый эффективный в руках Ташкента. В случае уступки требованиям Москвы и выводе авиабазы ВВС США Вашингтон будет пытаться сделать все, чтобы свергнуть режим Бакиева и поставить подконтрольного президента

¹ 2000 год – 680 тыс. (14,1%). Еще называют другие цифры – 900 тысяч – 1 млн. человек.

² Молдахметов Б. Возможна ли Южная Осетия в Центральной Азии? – Информационное агентство “24kg”. – 2008. – 20 августа // www.24.kg

путем финансирования оппозиции, поддержки радикальных экстремистов и коррумпированности чиновников.

Признание независимости Южной Осетии и Абхазии создает опасный прецедент повторения этого сценария в Ферганской долине. Речь идет о вынесении вопроса придания особого статуса территориям Южного Кыргызстана, где проживают этнические узбеки. Этот вопрос не поднимался со времен ошских событий 1990 г. Но это не значит, что они не повторятся. При определенном развитии ситуации, если правительство в Бишкеке пойдет на большие уступки Ташкенту по делимитации границы и совершит непоправимые промахи в отношении узбекского меньшинства, лидеры этнических узбеков не преминут обратиться за помощью к Ташкенту. Южные территории Кыргызстана будут аннексированы.

Подтверждением возможности этого сценария может стать тот факт, что Кыргызстан в этом году закупил оружия на 20 млн. долларов, тем самым, став третьей страной в СНГ по закупкам оружия в 2007 г. после России и Грузии. В рамках ОДКБ не существует механизма урегулирования конфликтных ситуаций между членами этой организации. Кыргызстан, являющийся членом ОДКБ, после начала противостояния РФ и США, оказался в сложной ситуации.

Расположение на территории Кыргызстана военной базы потенциального противника России в лице США в нынешних условиях с точки зрения защиты национальных интересов и безопасности России расценивается как “создающее угрозу”, а Кыргызстан – как союзник потенциального противника. В случае, если Кыргызстан займет выжидательную позицию, внешнеполитическая обстановка для нас усложнится.

В налаживании партнерских отношений с Узбекистаном имеются еще более сложные проблемы у Таджикистана, чьи взаимоотношения со времен обретения ими независимости носили и носят исключительно конфликтный характер.

Результатом недружественной политики Ташкента по отношению к Душанбе стало формирование антагонистических и антиузбекских настроений среди таджиков, которые стали одним из элементов национального примирения после гражданской войны. Естественным следствием этого стало негласное использование руководством Таджикистана такого мощного рычага давления на Ташкент, как Исламское движение Узбекистана.

Узбекистан, в свою очередь, использует построения этнических узбеков Таджикистана для дестабилизации ситуации. Не без участия Ташкента ходжентские узбеки выступали с идеями суверенизации Согдийской области Таджикистана. В этом их даже поддерживал сам президент И. Каримов в 1992 г. Ташкент также использовал разного рода полевых командиров для прямого захвата территории Таджикистана в 1998 г. Последовавший за этим событием дипломатический скандал испортил двухсторонние отношения. Таджики апеллируют к истории раздела таджиков и несправедливого присоединения к Узбекистану Бухары и Самарканда. В условиях актуальности проблемы “Синдрома Косово” эта тема может катализировать конфликты (вплоть до вооруженных), в которые может быть втянут и Афганистан.

Следует отметить, что в узбекско-кыргызских и в узбекско-таджикских отношениях явно преобладают кризисные элементы при политической неготовности сторон к компромиссу. На этот процесс свое позитивное влияние должен оказать внешний фактор, представленный в лице России. Россия должна не отстраняться, а, наоборот, активизировать свое присутствие в регионе. В ситуации, когда Россия желает стать новым центром мировой политики, именно страны Центральной Азии могут и готовы стать ее стратегическими союзниками. Россия в регионе должна играть роль конструктивного арбитра в процессе урегулирования межнациональных споров и вероятных конфликтов.